... Мы всегда так мало с тобой разговаривали, наверное отсюда и пошло наше вечное недопонимание друг друга. Наши спокойные беседы можно пересчитать по пальцам. Чаще мы спорили, переходя на повышенные тона, либо ты ругал меня, не всегда понятно за что.

Особенно часто во мне возникал вызов и яростный протест против твоих запретов, потому как ты никогда не объяснял их причин. И несмотря на то, что я давно выросла, ты старался меня опекать и учить, хотя, я давно поняла, что после восемнадцати лет поучать невозможно.

Я старалась отмалчиваться по возможности, чтобы не нервировать себя, и не распалять тебя еще больше, но, чем старше я становилась, тем стало сложнее сдерживать свое закономерное негодование. Со временем, когда я замечала, что ты собираешься начать разговор, я мысленно собиралась и принимала оборонительную стойку; и так привыкла, что мы не умеем ладить, что перестала верить в возможность нормального, спокойного общения.

Жизнь с тобой представлялась мне в темных тонах, да ты и сам был таким! угрюмым, не умеющим радоваться жизни и говорить теплые слова – суровый мужчина, который, как мог, так и опекал меня. Но вся забота сводилась к материальным благам и жажде поучать, наставлять. Ты очень часто сравнивал меня с матерью, ставил мне ее в пример, и сетовал, что я никогда такой не буду. Да не буду, ведь я – это я, а она – это она. Ты во многом меня обвинял, в чем я не могла быть виноватой по определению. Ты пытался тотально контролировать меня, что меня неимоверно бесило и я научилась тебе врать.

А еще ты любил жаловаться на все подряд: на меня, на погоду, на правительство, на кота, на свое здоровье. Особенно на здоровье. Ты отчаянно пытался внушить всем, что ты скоро умрешь, что тебе не долго осталось, и через несколько лет я перестала воспринимать эти слова, ведь ты не хотел лечиться и не любил врачей. Особенно не любил за то, что они говорили не то, что ты хотел бы слышать. В этом ты обвинял и нас, мол мы тебя не любили и не понимали...

Ты так редко искренне смеялся... Я иногда даже забывала, как звучит твой смех. И с каждым годом его было все меньше и меньше.

Но я помню тот день, когда ты улыбался, видя нас с сестрой и внучкой. Ты предложил Мелкой дать тебе „пять", но она тебя не поняла, видимо в ее современном детстве такого нет. И мы с тобой показали ей „класс". После она робко ударила своей маленькой белой ладошкой по твоей большой, грубой и смуглой ладони. Звук не получился звонким, но ты все равно улыбался.

Таким-то мы тебя и запомнили, потому что больше ~~в~~ живым тебя не увидели. Я думала, что была готова к этому, потому что ты больше десяти лет „тренировал" меня, но, как оказалось, к этому нельзя быть готовым.

Ты был сложным и тяжелым человеком, но ты был и остаешься нашим отцом. И пусть, ты не был идеальным родителем, пусть между нами были разногласия и непонимание, но я тебя любила и люблю.

А еще, мне тебя не хватает...

Твоя младшая дочь.